

Шиловский М.В.**ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СИБИРИ XIX - НАЧАЛА XX В.**

В нашу задачу не входит градостроительная характеристика и анализ типологии построек сибирских городов рассматриваемого времени. Отметим, что вплоть до конца XIX в. в них преобладали деревянные строения. Современники, как бы сговорившись, сообщали одно и то же, вне зависимости от времени и места. Каинск (начало 60-х гг.): “Он состоял большею частью из старых лачуг, которые уныло выглядывали своими унылыми окнами на вечно грязные улицы. Хороших домов было очень немного, почти все они принадлежали местным купцам”. Тюмень: “Деревянные низенькие дома, широкие пустыри, грязные и безлюдные улицы”. Примерно такую же картину источник (К. М. Станюкович) видит в Томске: “Вот и улица, немощенная, с деревянными мостками по бокам, вместо тротуаров, с низенькими невзрачными домами”(1).

Казалось бы приятное исключение составлял Иркутск. Судя по его описанию местного землемера и архитектора А. И. Лосева (1819) местные купцы “имеют огромные и посредственной величины каменные дома, убранные хорошей мебелью, с выгодным внутри расположением; на дворе устроенные службы, погреба и анбары расположены хозяйственно, имеют при домах садики в огородах”, “мещане строят дома также порядочны, у некоторых есть и каменные”(2). Однако нарисованную идиллию разрушает статистика. По данным Б. В. Михайлова в 1828 г. из 1645 домов - 1592 были деревянными, в 1836: из 1958 - 1906, в 1876: из 3918 - 3830 (3). Совсем иную картину внешнего вида города рисует его старожил И. Калашников, по мнению которого Иркутск начала XIX в. “имел более вид грязного уездного городка или даже большого села, нежели столицы Сибири... Невысыхающая грязь не была единственным достоинством иркутских улиц. Они были... косы и кривы, тянулись как им было удобнее... Дома то высывались вперед, то пятились назад”(4).

Подобного рода противоречия наблюдаются при описании и других городов Сибири, где авторы их побывали одновременно или с небольшим интервалом. Вот как отзываются о Тюмени К. М. Станюкович (1885) и Г. И. Успенский (1888). Станюкович: “Усталые, разбитые, грязные увидели мы наконец Тюмень, первый сибирский город, разбросанный по оврагам, мрачный, грязный, с огромным белым зданием на въезде. Нужно ли прибавлять, что это был острог”. Успенский: “Не мог я, конечно, не заметить, как хорошо место, где расположен город, как удивительно хороши берег и река Тура... Но что действительно хорошо в Тюмени, это, во-первых, все, что делается по

переселенческому делу, и, во-вторых, что касается удобств, связанных с передвижением и перевозкой по Тоболу и Оби”(5). А объясняются подобные контрасты иногда элементарными вещами. Семья Станюковичей добиралась до Тюмени по грязному, разбитому тракту в дождь; а Г. И. Успенский прибыл туда по только что построенной железной дороге.

Специфику жилищного строительства в административных центрах региона раскрывает в своих воспоминаниях Г. Н. Потанин на примере Омска: “...Большую часть города, исключительно деревянную, достраивает правленский писец или военный писарь, достраивает так медленно, что пока успеет в одном месте довести работу до конца, в другом месте старые постройки доживают свой век и из них образуются уже развалины. Этот строитель строит свои дома дешево, на свои скудные доходы, обделяя себя в еде и удовольствиях, ограничивая себя луковицей с квасом, да изредка рыбой, которую сам наловит... Такой строитель возводит свое жилище частями: нынешний год пристроит комнатку, на будущем собьется на крышу, на третий год перестелет полы или выстроит какую-нибудь службу; иногда десять лет пройдет прежде, чем терпеливый Акакий Акакиевич завершит свой труд”(6).

Основные типы деревянного жилья - клеть и пятистенок, получают в городах “развитую планировочную структуру, пристройки при входе, крыльца, дополнительные входы”(7). Комнаты располагались вокруг печей с целью максимального использования тепла от них. Сооружались двухэтажные деревянные дома, дома с мезонином, с лоджиями, верандами, различного рода прирубам для хозяйственных целей.

Поскольку большая часть интеллигенции, особенно чиновники, являлись временными жителями региона и очень часто по службе перемещались внутри него, то, как правило, они предпочитали снимать жилье у горожан в зависимости от достатка. Вот как описывает свое жилище Г. Н. Потанин, служивший в конце 50-х гг. младшим казачьим офицером в Омске. Первоначально он снимал комнату у казака Бердникова в Казачьем форштадте: “Его низенький одноэтажный домик состоял из двух комнат. В одной помещалась кухня, по местному “изба” с русской печью; тут жил сам Фирсыч со своей женой Филиппьевной и маленькой дочкой Аней; другая половина называлась “горницей”. В ней городская обстановка была представлена двумя, тремя стульями, и только; остальная мебель была заменена хозяйскими сундуками, наполненными домашним скарбом и прекрасными тюменскими “полозами” (коврами без ворса). Кровать и стол дополняли обстановку... За комнату со столом я должен был платить 3 рубля в месяц”. Затем он переехал к писарю войскового правления за 6 рублей со столом.

“Комната моя была светлая, - сообщает он,- окна на юг, а не на север, потолок высокий, вместо сундуков стулья, столики под скатерками”(8). Совсем убого выглядело жилище сосланного в Иркутск профессора А. П. Шапова. “Он умер в домике Савицкого,- сообщает А. С. Маджаров,- что стоял неподалеку от Знаменского моста через Ушаковку. Пришедший проститься с покойным историком должен был подняться по самой приставной лестнице в пристройку - сарайную горницу - последнее пристанище Афанасия Прокофьевича. Его взору открывалась бы небольшая, с низким потолком обклеенная бумагой лачуга. Посредине стоял стол, на котором лежал покойный. Стулья и другая мебель отсутствовали. Лишь ящики, наполненные книгами, намекали на свое второе предназначение. Книги грудями лежали на полу, на подоконниках”(9).

В целом же жилище городских обывателей средней руки (чиновники, офицеры, интеллигенты) не отличалось особым комфортом. Так, из информации, взятой нами из романа И. В. Федорова-Омулевского “Шаг за шагом” (1870), события которого происходят в Иркутске, родители героя во главе с отставным надворным советником А. В. Светловым проживали в собственном “сереньком домике в пять окон на улицу”. Его двоюродный брат мещанин А. Л. Соснин квартировался “в небольшом домике в три окна на одной из самых глухих улиц города”. Определенное для жителя младшему Светлову помещение в родительском доме представляло “уютную, чистенькую комнатку в два окна с веселыми светло-зелеными обоями... На окнах стояли лучшие в доме цветы и висели простые, но чистые, как только что выпавший снег, белые полотняные шторы домашней работы. Перед окнами, в простенке, приютился письменный стол... Направо от стола помещался незатейливый, но только что перед тем перекрытый новой материей диван, а над диваном висело большое правильное зеркало, какие обыкновенно висят в гостиной в домах средней руки... Платяной шкаф красного дерева, выкрашенная под орех этажерка для книг, несколько плетенных стульев, да покойное кресло перед письменным столом заканчивали собой, правда, незатейливую, но зато совершенно удобную обстановку этой комнаты”(10).

Вообще, интерьер жилища в течение всего рассматриваемого времени не отличался разнообразием. Поселившийся в Томске в 1898 г. профессор И. А. Малиновский так описывал обстановку своей квартиры: “...Мягкая мебель, венские стулья, ковры, гардины, занавески, фотографии на стенах, пианино”(11). К тому же из-за частой смены места службы, чиновничество старалось не обзаводиться дорогостоящей обстановкой. “Говорят,- замечал по этому поводу Г. Н. Потанин,- в Омске очень выгодно торговать

мебелью; то, что сегодня очень сходно куплено у какого-нибудь отъезжающего, через неделю с барышом можно продать приехавшему на его место”(12).

Ситуация существенно изменяется с конца XIX в. В процессе первого витка индустриального развития, последовавшего после сооружения Транссибирской железной дороги, меняется характер застройки и уровень комфортности жилья в наиболее крупных городах региона (Иркутск, Красноярск, Новониколаевск, Томск, Омск). На примере Новониколаевска суть произошедших изменений С. Н. Баландин определил следующим образом: “Со временем застройка городских кварталов изменялась, особенно в центральной части, где происходила концентрация коммерческих, зрелищных, церковных и учебных сооружений, а также доходных жилых домов и городских особняков. Стирается намеченное четкое разделение в кварталах на отдельные усадебные участки, они начинают плотно застраиваться по периметру; для разделения примыкающих друг к другу деревянных домов сооружаются кирпичные или каменные брандмауэрные стены. В городском деревянном доме устраиваются входы с улицы - “парадные”. Дома возводятся иногда с первым каменным этажом и вторым деревянным. Это были уже многоквартирные дома городского типа, помещения которых сдавались в наем”(13).

Рост численности и изменение архитектурного облика городов привел к появлению нового типа жилья - доходных домов и городских особняков, ставших главным местом обитания местной интеллигенции, прежде всего элитарной. В качестве примера особняков можно указать на собственный деревянный дом в три с половиной этажа архитектора А. Д. Крячкова в Томске (1910) и двухэтажный кирпичный дом архитектора К. П. Чикина в Тюмени (1910-е гг.) (14).

Однако владельцами и обитателями особняков являлись по преимуществу предприниматели, высокопоставленные чиновники, элитарная интеллигенция, горные инженеры Алтайского округа. Роскошные условия жизни последних в течение всего XIX в. отмечали различные источники. В частности, Н. М. Ядринцев (1880) свидетельствует: “Надо отдать справедливость: где мы не заезжали в Алтайском горном округе, мы находили всегда в домах управителей казенным хозяйством самый изысканный комфорт, дорогую мебель, художественные произведения, прекрасных лошадей и т.д. Подобная жизнь стоила при выписке всего из столиц от 5 тыс. до 10000 рублей в год. О получаемом содержании мы не имеем понятия”(15).

Подавляющая часть служилых слоев сибирской интеллигенции и в начале XX в. проживала преимущественно в наемных квартирах. В частности, из 98 профессоров Томского университета, получивших это звание до 1917 г., лишь семеро являлись

владельцами домов в Томске (16). Причем эти частные домовладения отличались от шикарных каменных особняков местных капиталистов и представляли добротные деревянные дома, внутреннюю “начинку” которых подробно описала иркутская старожилка Л. И. Тамм: “Высокое крыльцо парадного входа, большие сени с чуланом и теплым нужником, отапливаемым голландской печью. Обширная прихожая, пол, который устлан цветастым линолеумом, производили впечатление солидности. Под вешалками стоял громадный сундук с зимними вещами. Массивная дверь в спальню, зал и столовую плотно закрывались, поэтому в доме всегда была тишина”. В зале, “в двух простенках уличных окон висели большие зеркала в резных рамках. Под ними стояли столики с тюлевыми скатертями. На столиках размещались вазы с шелковыми цветами, прикрытыми от пыли большими стеклянными колпаками. По обе стороны ваз находились бронзовые подсвечники с хрустальными подвесками и рамки с фотографиями членов семьи”. В столовой “стояли большой обеденный стол, покрытый скатертью, венские стулья, большие напольные часы с боем, черного дерева буфет, на стенах висели декоративные тарелки”(17).

Получавшие значительное денежное содержание профессора томских вузов (до 7-10 тыс. рублей в год) снимали квартиры повышенной комфортности в доходных домах. Так, упоминавшийся выше И. А. Малиновский, после долгих поисков, снял квартиру в доме Щепетова на Преображенской улице за 55 руб. в месяц. Она состояла из шести комнат, передней, ванной, кухни, комнаты для прислуги (18). По данным С. А. Некрылова наем одной комнаты в центре Томска обходился в 25-30 руб. в месяц, в прилегающих к центру города районах - 12-18 руб., в отдаленных кварталах - 8-10 руб. “В состав квартирных цен входили стоимость очистки клозетов, помойных ям и дымовых труб. Квартиры чаще всего сдавали не меблированными, так как это намного повышало стоимость их найма. После появления в Томске электричества и проведения его в частные дома стоимость такой квартиры вместе с водопроводом повышалась на 25 %. Стоимость найма квартир в период с конца 80-х г. до 1913 г. практически не изменилась”(19). Достаточно дорогим был рынок жилья в Новониколаевске. В 1910 г. плата за квартиру свыше 6 комнат здесь достигала 900 руб. в год, среднюю (4-6 комнат) - 800 руб., до 4-х комнат - 756 руб (20).

Комфортность жилья повышалась за счет его телефонизации, электроосвещения, подключения к централизованной системе водоснабжения. Первую электростанцию в регионе построил в 1885 г. красноярский купец Базалов. Она освещала его дом, магазин, склады и рекламные объявления. В 1893 г. в Тюмени купец И. И. Игнатов построил электростанцию на городских пристанях. В ночь под новый 1896 г. выдала ток городская

электростанция в Томске, мощностью в 88 киловатт. В Иркутске сооружение станции началось в 1906 г., в Омске - в 1913. В декабре 1912 г. в Новониколаевске сдается в эксплуатацию городская электрическая станция мощностью в 158, 25 киловатт, к которой подключилось 540 абонентов с питанием 5,6 тыс. электроламп, в том числе в квартирах и гостиницах - 3,2 тыс. ламп. Электроэнергия была дорогим удовольствием. Домовладельцам 1 квт/час обходился в 30 копеек (21).

Довольно рано появилась в Сибири телефонная связь. Уже в сентябре 1886 г. в Томске П. И. Макушин телефонизировал передачу информации между своей квартирой, книжным магазином и типографией. В 1892 г. открывается городская телефонная станция в Иркутске, в 1893 г.- в Томске. Эксплуатация последней привела к увеличению числа абонентов с 97 в год открытия до 1370 в 1917 г.(22). В Иркутске из 293 абонентов городской телефонной станции - более 100 принадлежало к частным лицам (220).

---

1. Цит. по: Матханова Н. П. Мемуары и публицистика В. И. Вагина как источник по истории Каинска и Каинского округа // Между прошлым и будущим. Вопросы истории и исторического образования. Новосибирск, 2000. С. 80; Станюкович К. М. В дальние края // Станюкович К. М. Собр. соч. в 10-ти томах. М., 1977. Т. 1. С. 309, 331-332.

2. Цит. по: Резун Д. Я. К вопросу об образе жизни горожан Иркутской губернии начала XIX в. // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 177.

3. Михайлов Б. В. Жилая деревянная архитектура // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск, 1993. С. 354.

4. Цит. по: Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. С. 168.

5. Цит. по: Шиловский М. В. Ссылные писатели-народники 80-х гг. XIX в. о Сибири // Социально-политические проблемы истории Сибири. Новосибирск, 1994. С. 31.

6. Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири (ЛНС). Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 216-217.

7. Беседина О. Н. Особенности исторической жилой среды городов Восточной Сибири // Русские Сибири... С. 192.

8. Потанин Г. Н. Указ. соч. // ЛНС. Новосибирск, 1983. т. 6. С. 75, 76.

9. Маджаров А. С. Афанасий Щапов. Иркутск, 1992. С. 214.

10. Оммулевский И. В. Шаг за шагом. Иркутск, 1983. С. 11, 17-18, 51.

11. Машинописная рукопись воспоминаний И. А. Малиновского // Архив музея истории ТГУ. Личный фонд И. А. Малиновского. С. 49.
12. Потанин Г. Н. Указ. соч. Т. 7. С. 217.
13. Баландин С. Н. Сибирский архитектор А. Д. Крячков. Новосибирск, 1991. С. 44-45; Применительно к Иркутску о той же тенденции пишет Б. В. Михайлов: Михайлов Б. В. Указ. соч. С. 344-345.
14. Баландин С. Н. Указ. соч. С. 61; Копылов В. Е. Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера). Тюмень, 2000. Кн. 1. С. 254.
15. Ядринцев Н. М. Сибирская Швейцария // ЛНС. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 116.
16. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Томск, 1996. Вып. 1; Некрылов С. А. Материально-бытовое положение и культурная среда дореволюционной томской профессуры (на примере Императорского Томского университета) // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Томск, 1999. С. 37.
17. Тамм Л. И. Записки иркутянки. Иркутск, 2001. С. 29-30.
18. Машинописная рукопись воспоминаний И. А. Малиновского. С. 49.
19. Некрылов С. А. Указ. соч. С. 41.
20. Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX - начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 99.
21. Там же. С. 100.
22. История электросвязи Томской области (от прошлого к настоящему). Томск, 2000. С. 47; Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. Иркутск, 1993. С. 378.